

Вышка. - Белку. - 1990. - 19 июня.

Еще одна Жизель

На снимке: народная артистка Литвы Моланта ВАЛЕЙКАЙТЕ.

Фото А. ЧЕРКАСОВА.

Видимо, поэтому партия так насыщена яркой танцевальной экспрессией, а пластика рук обретает безудержность, импульсивность.

Еще одна Жизель появилась на сцене Азербайджанского театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова. Средствами классического танца народные артисты Литвы Иоланта Валейкайте и Витаутас Куджма в ансамбле с бакинскими коллегами исполнили «Жизель» в своей трактовке, которая по уровню мастерства и вдохновения граничила с откровением. Талантливая актерская игра, точечное чувство стиля, высокий профессионализм отличают этот творческий дуэт.

Пастельные, нежные, вибрирующие тона и оттенки отобрала Валейкайте, рисуя образ своей героини в первом действии, когда ее Жизель еще беззаботно резвится в кругу подруг, радуется солнцу и даже подарку своей соперницы. И вариация балерины выглядела, как бесхитрое раздумье, завершившееся вихревым, жизне-радостным кружением.

В другом, «теневом» акте, где властвуют жесткие полудночные демониче-ские, требуется совсем иной пластиче-ский колорит. И здесь актри-са достигает наиболее власт-ного, поистине гипнотическо-го воздействия на зрителя. Очень изощрен ее хореогра-фический рисунок, обогащен-ный собственными находка-ми, интенсивен пульс дейст-вий ее героини, охваченной желанием сохранить жизнь своему Альберту.

Искусство лауреата двух международных конкурсов в Париже и Варне, а также всесоюзного в Москве И. Валейкайте знакомо зрителям ГДР и ФРГ, Колумбии и Перу, Франции и США, Швеции и Турции... Она танцевала в партиях Сильфиды и Авроры из «Спящей красавицы», в па-де-катре и програм-ме миниатюр, в балетах В. Васильева (в частности, на сцене Большого театра СССР на вечере-чествовании Г. Улановой), а также в «Копе-ли», «Щелкунчике», «Дон Кихоте», «Голубом Дунае».

Ее партнер и единомыш-ленник Витаутас Куджма созда-ет интересный, глубокий образ противоречивого графа Альберта. Его вина перед милой подругой безмерна, но столь же безгранично его раскаяние и самонаказание. Куджма наделяет учивого рыцаря-эгоиста манерами безукоризненной «светско-сти». А его энергичная, траги-ческая вариация — это крик запоздалой боли, раскаяния, отчаяния и бессилия.

Красота танца Валейкай-те и Куджмы, их пластиче-ская жалобная песня приш-лась по душе бакинскому зрителю. Аплодисменты, счастливые лица литовских артистов, цветы... Право, это был большой настоящий праздник искусства.

Р. АХМЕДОВ,
балетмейстер.